

Михозис (наст. фам. Вовси)
Соломон Михайлович

14.10.95.

Что-то изменилось в тюремной камере: венский стул вместо табурета, стопка книг на столе, пачки "Беломора", небрежно брошенные рядом с книгами, свернутый бумажный кулек, из которого просыпались конфеты, фотография на стене, яблоки на тарелке, свежее постельное белье.

Михозис с дорожным посохом в костюме местечкового мудреца Вениамина Третьего; в плюшевой круглой шапочке, в долгополом лапсердаке и небрежно повязанном шейном платке, на ногах сбитые в "странствиях" жизни башмаки.

Зускин уже не в пижаме, на нем темные брюки, кургузый пиджачок, рубаха с расстегнутым воротом.

МИХОЗИС (делая шуточные пассы над изобильным столом). Богаче нашего тюремского арендатора в мире нет: четыре пары медных подсвечников... пять медных кастрюль, стопка оловянных тарелок... две коровы да еще третья стельная, два субботних кафтана и много всякого добра... Говорят, уже в молодости он знал толк в арифметике, в дробях... Что случилось, Сендерл?

ЗУСКИН. Мертвый издевается!

МИХОЗИС. Ты всегда говорил: "Люди смеются — пускай себе на здоровье смеются". Ты позволял детям ездить на тебе верхом, фаршировал рыбу, топил печь, тебя и прозвали: Сендерл-баба...

ЗУСКИН. Хочешь спрятаться за старей спектакль: ты, мол, Вениамина из Туневдовки, а я твой оруженосец, слуга, скотинка на привязи — Сендерл-баба. Хахит, я не Сендерл!

МИХОЗИС (смирненно). Кто ж ты, Зуска?

ЗУСКИН. Не смей так называть меня своим отравленным ртом.

МИХОЗИС. Чего ты испугался, Сендерл? Здесь нет твоей жены Зельды.

ЗУСКИН. Моя жена не Зельда, она Эдда! (Кричит, будто хочет, чтобы его услышала вся тюрьма). Мы с Эддой — настоящие советские люди! Слышишь?! Настоящие — и не предавали родины...

МИХОЗИС. Хорошая новость. Но...

ЗУСКИН. Никаких "но". Тебе позвол, ты надсмеешься над всем святым! (Михозис беззвучно аплодирует). Смотри: на мне пояс, настоящий ремень... (выдегивает из штанов ремень и потрясает им). У арестованных отнимают ремни, обойди тюрьму, ни на ком не увидишь, кроме меня!

МИХОЗИС. Также неплохая новость: ты попал в начальство?

ЗУСКИН. Мне доверяют (жест на фотографию). Вот — мои девочки, Эдда с ними я дома.

МИХОЗИС. Этой истории уже две тысячи лет! Мы везде дома. Оказываешь, даже в тюрьме — мы дома.

ЗУСКИН. Сортные папиросы: не дряня, не махорка, а "Беломор". И конфеты, не дешевка, почти шоколадные, соевые (он кричит, заглушая что-то в себе). Меня принял министр, он похлопал меня по плечу.

МИХОЗИС. Нашей на плечо заплачу, чтобы чужие руки не смели прикасаться.

ЗУСКИН. Министр приказал выдать мне денег из специального фонда.

МИХОЗИС (становится с посохом в руках по стойке "смирно"). Из особого фонда министра?

ЗУСКИН (он закусил удила). На фрукты, на продукты, на папиросы (показал на койку). Двойной комплект постельного белья. Книги в тюремной библиотеке — бери сколько хочешь. И письма домой, хоть каждую неделю.

МИХОЗИС. Ты разоришь КГБ! (Зускин прикладывает указательный палец к губам: тс-с-с!). Если так пойдет, им придется на народные деньги покупать и хлеб.

ЗУСКИН (растерянно). Почему гробы? Ты нарочно пугаешь меня! Завидую, что я живой... Меня скоро домой отпустят — домой, домой! Моей выпустят! (Истерика: он плещет, уронив голову).

МИХОЗИС (спокойно). Могут выпустить, министр — персона.

Я ему тоже обязан.

ЗУСКИН (ободрясь). Правда?

МИХОЗИС. Он избавил меня от допросов, от муки, от костоломства, приказал просто убить меня. Откуда ему было знать, что я тоже настоящий советский человек. Меня похлопали не по плечу, а сразу по виску... Чего же ты опять плачешь?

ЗУСКИН (с вернувшимся страхом). Меня ужасно били, Михя, смертным боем. Они не оставляют следов на теле, но внутри все болит. А как душа болит...

МИХОЗИС. Как же все эти карамельки, папиросы, поддельники?

ЗУСКИН. Будь они прокляты! Следователь сказал: человеку надо почувствовать, какая хорошая жизнь может быть: жизнь и как страшно не падать.

МИХОЗИС. Тебе и со следователем повезло?

ЗУСКИН (говорит сомнамбулски: в пространстве). Обходительный человек... Фамилия Рассыпнинский. Дворянская или поплавская фамилия.

МИХОЗИС. Бы уже подружился?

ЗУСКИН. У него бывает такое лицо, что хочется сразу умереть... Он обвиняет, что рук не прикладывает; у них есть сотрудники, которые околачиваются... — это сказал он, он их, видно, не уважает, — околачиваются и ждут, когда их позовут по имени.

Быть компаньей в еселе, сказал Рассыпнинский, но ко мне призвал только одного — Шишкова, их отличника (он глумится спазм рыдания). После встречи с отличником следователь пошел меня к министру... Ты, наверное, знал его, ты же ждался со всеми значимыми людьми.

МИХОЗИС. Абакумов полюбил меня заочно.

ЗУСКИН. Он велел дать безоговорочные показания при Еврейском антифашистском комитете. Я же почти не бывал в вашем комитете. Министр спросил: "Кто главный еврей в СССР?" (Жест недоумения). Я уже готов был крикнуть: "Михозис!", но вижу, что он спрашивает о живом. "Ну, кто из евреев занимает самое видное место в партии? Он даже член политбюро..." Я крикнул: "Лазарь Моисеевич Каганович!" — "А говорите, не знаете, кто главный еврей в СССР. Расскажите об этом вашем шефе". Пришел особенный страх: если он так говорит о Кагановиче, значит что-то так и случилось. "Расскажите о втором вашем шефе", — приказал министр.

Что бы это могло быть? Мехлис? Не дай Бог такого шефа: он бы утопил всех евреев в помойном ведре. Кто же это? "Расскажите о Полине Семиевне Жемучкиной". "О жене Малюта?" — мой голос сорвался на хрип. Тогда я увидел, что этот генерал, этот Аман, этот Нимрод, богатырь, тоже может бить с ног одним ударом. "Я видел ее в театре на гражданском паникиде, когда хоронили Михозиса, нас с ней только познакомили, через минуту она тихо спросила: "Как вы думаете — это несчастный случай или убийство?". Я ответил, что нужно верить сообщению из Минска: автомобильная катастрофа. Но Михозис, сказал я, часто говорил о близкой смерти. "Как не похоже на Михозиса", — сказала Жемучкина. — Он был стукот энергии и жизни..."

МИХОЗИС (тихо). Благодарная Зофира.

ЗУСКИН. Жемучкина считала, что Михозис убит?" — спросил у меня министр. "Она, я думаю, была в сомнениях, но кто ее знает..." — "Вы знаете, гражданин Зускин, я не одобряю, ритуально расквашенный". Меня будто судить не тем судом, о котором я мечтал, чтобы рассказать правду, меня будут судить за предательство женщины, за черную подлость, и нет мне оправдания...

МИХОЗИС. Ты предал нашу добрую Зофиру?

ЗУСКИН. Мне читали протоколы допросов, показания изменников, они действовали заодно с тобой, и жизнь затмилась, я не видел в ней смысла. Меня привезли в кабинет Шкиртова, а его боялись больше, чем самого Абакумова. Там были еще мундиры и пиджаки, сошлись посмотреть, как будут плавать в яме (он перешел на шепот) жене того, перед кем они вчера еще присыпались... Я же не узнал ее, осталась только измученная душа. Она увидела меня, и на секунду к ней ворвалась надежда: "Он... — это я, а я... он не предает, он не подлец! Не может быть, чтобы и он оказался негодяем!" — вот что я прочитал в ее обреченных глазах... Теперь послушай, что я тебе открою, никому живому я не посмею повторить это... (Он прикоснулся к семейной фотографии на стене и приложил пальцы к губам). Накануне очной ставки следователь проверял мою память, и я ему сказал, что все напрасно, Жемучкина не подтвердит моих слов. "Бы плохо о нас думаете, хавер!" — мы работаем чисто. Недавно Жемучкина прошла у нас две очные ставки; мы схватили двух и их жеребцов, хавер Зускин, двух трусливых зорьчанцев, референтов из ее Главка. Они никогда, даже случайно, за есики ее не держали, но каждый из них по отдельности показывал, что он поимел ее и какие ее любимые позы на простынях, и любимые поханные словечки. Два свидетеля, два хера, а все сошло, сошло. Она упала в обморок и не услышала, как кто-то сказал: "То-то посмеются в политбюро!" — "Теперь вы нашли третьего негодяя?" — спросил я так тихо, что он мог и не расслышать, но он шлепнул меня по плечу и сказал: "Вы — другое дело, у вас безгразия, чистая политика, вы сами знаете, что эта жидовка виновата..." (в отчаянии). Я третий! Третий негодяй!

МИХОЗИС (просто). Сотый! Тысячный, если тебе так легче.

ЗУСКИН. На сцене я не позволял себе отсыпаться, тут я тоже, умирая от стыда, проморгал роль, написанную министром и его подполковником. Роль страшнее, чем у двух референтов: мои-ми проклятыми устами Жемучкина клеветала на Сталина... (долгая пауза). Потом в своем кабинете министр назвал меня настоящим советским человеком и назначил мне льготы... — что-то посоветовал ему убить меня всем этим (показал на стол), убить одиночеством, даже на прогулке я никогда не встретил ни одного знакомого лица. Я вижу только тебя...

МИХОЗИС. Я здесь потому, что ты этого хочешь.

ЗУСКИН. Тебе позавидовал бы сам Игнатий Лойола — иезуит из иезуитов. Как я могу призывать своего погубителя?

МИХОЗИС (опечаленно). Есть своя сила и у ненависти.

С. Михозис и М. Зускин, 1922 год.

Сцена из спектакля ГОСЕТ "Король Лир".

Александр БОРЦАГОВСКИЙ

Король и шут

ОТ АВТОРА

После публикации моей документальной повести "Обвиняется кровь", я не впервые убедился, как деспотичны рамки литературных жанров: тебе думалось, что сказано обо всех и вся, но оказалось, что ты стремительно проплыл над глубинами собственного замысла, над своей Тускаророй. Огромный мир — психологии, страстей, любви, отчаяния, вечных тревог Земли и ускользающей от нас Вечности — едва затронут по поверхности.

Родилась неодолимая потребность, выделив из толпы теней двух великих художников — Михозиса и Зускина, вернуться к ним, заглянуть без колебания и страха в их внутренний мир.

Так сошлись в камере N 82 внутренней Лубянской тюрьмы убитый в Минске 13 января 1948 года Михозис и только еще бредущий на свою Голгофу Зускин.

Сошлись — мертвый и живой. Драма, театр не злоупотребляют такой возможностью, но не исключают ее.

ЗУСКИН. Я объяснил следователю, что в одной оболочке всегда было два разных человека: великий артист Михозис и Соломон Вовси. Вовси довел меня почти до самоубийства, а у Михозиса я всю жизнь учился.

МИХОЗИС. Два человека? Как же они ухитрились одним ударом в висок (жест) убить сразу двух Соломонов — Михозиса и Вовси?

ЗУСКИН (убежденно). Михозиса они не убили, казнить талант невозможно.

МИХОЗИС. Убили. Бог им судья, злопамытник, двуличного честолюбца, любителя эффектных жестов, убили эгоиста.

МИХОЗИС. И буржуазного националиста. Антисоветчика.

ЗУСКИН. Нет! Нет! Этого я не говорил... Они так записали в протоколах, но не мои слова.

МИХОЗИС. Наверное, там твоя подпись?

ЗУСКИН. Я сказал им, что жена у тебя русская и у вас одна комната, к вам приходят русские родственники в гости; а ты джентльмен, в присутствии русских ты не станешь говорить по-еврейски. Я у вас дома не услышал ни одного еврейского слова, даже дети твои по-еврейски не знают...

МИХОЗИС. Красивый портрет — готовый антисемит. Если бы ты раньше рассказал все это министру, может быть, они вместо убийства наградили бы меня орденом Дружбы народов за успехи в ассимиляции. Живи долго, Вениамин Львович, дай тебе Бог встретиться у вас на Цветном бульваре с живой Жемучкиной и чтобы она улыбнулась тебе.

ЗУСКИН. Я упал перед ней на колени! На глазах у толпы.

МИХОЗИС. Если она жива. Ты ведь сказал, что она оклеветала Сталина, выдала тайну, что отец и друг всех маленьких народов почему-то не любит евреев.

ЗУСКИН. Разве ты не заставлял меня играть роли, которые были мне не по душе?

МИХОЗИС. Благородные роли, на предательство я тебя не толкал.

ЗУСКИН. Но ты предал всех нас! Мессия, оракул, герой президиумов, гордость народа, присовокупив весь жар его любви, ты продал наше будущее и будущее детей! Так и таскаешься по камерам? Бьешь на жалость?

МИХОЗИС. Зачем жалеть мертвого: живые завидуют мне.

ЗУСКИН. Хочешь и смерть сделать козырной картой. Значит, ты бываешь и в других?

МИХОЗИС. У тех, кто нуждается во мне. Меня можно позвать без слов, одним сребребиением. Отчаянием.

ЗУСКИН (не веря). Как ты подобрел, Соломон!

МИХОЗИС. С мертвыми это случается чаще, чем с живыми, но кто об этом узнает.

ЗУСКИН. Ты и донощика жалеешь, поэта-комиссара?

МИХОЗИС. Ум хуже всех: вы, даст Бог, вернетесь домой, вас не разлюбят, а кто полюбил его? Пока спускается на прощение, даже ты, добрейший из людей. Пока живешь, до конца не знаешь, как несправедливо устроен мир. Поминишь, что говорит несчастный Эдгар в "Короле Лире"? Для тех, кто пал на низшую ступень, открыт подъем и некуда уж падать...

ЗУСКИН. Зачем ты ходишь по камерам?

МИХОЗИС. Смотрю в глаза: зрачки лгут меньше, чем слова. На словах я уже проклят.

ЗУСКИН. Проклят всеми?

МИХОЗИС. Кроме одного упрямца, практикующего доктора, и одной старой академической дамы, не от мира сего.

ЗУСКИН. Немного же осталось доверчивых простаков! Я думаю, этих двух не били.

МИХОЗИС. Доктора? Били! Никого так не истязали, как этого упрямца. Видно, он из другого материала.

ЗУСКИН. Как же твои соратники поверили, что ты изменник, шпион?

МИХОЗИС. Спроси у себя, как ты поверил?

ЗУСКИН. Я не в счет: мы с тобой жили слишком близко, рукой пошевелишь не могли, чтобы не задеть друг друга. (Решился). Смерть спасла тебя, скрыла преступления, о которых я и не подозревал.

МИХОЗИС. Мой национализм?

ЗУСКИН. Национализм — куда ни шло, за ним хоть есть любовь.

МИХОЗИС. На Лубянке поверили тебе, что национализм это любовь? (Пауза). Что евреи — нация, а не шайка негодяев? Чего древнееврейский язык все-таки существует, и тех, кто молится или, не приведи Господь, читает на иврите, кто молчит на нем, не надо убивать? Тебе удалось прояснить лубянский мастерос?

ЗУСКИН. Не стану же убивать за национализм: они называют националистами и меня, и всех других по нашему делу.

МИХОЗИС. И конечно — буржуазными националистами. Мы же все буржуи, процентники, ростовщики...

ЗУСКИН. Почему они убили тебя?

МИХОЗИС. С кого-то же надо начать. В драме это называется пролог.

ЗУСКИН. Но власти еще не знали о твоих преступлениях, тебя проводили с почетом, с оркестрами. А как мы гоним!

МИХОЗИС. Слезь обратно не забереешь, это мое утешение. Отнять можно ордена, дыхание... Но ты будешь жить, Вениамина.

ЗУСКИН. Даже добрейший человек, если по закону он не заслужил казни, должен жить!

МИХОЗИС. А если его не любят? Если его очень не любят?

ЗУСКИН. Тебя ведь не судили, не казнили по приговору. Слушайное убийство — совсем другое.

МИХОЗИС (нежно, с тоской). Ты будешь жить, Зуска. Пока ты за этими стенами, случайный убийца не доберется до тебя. Вернешься домой, Эдда встретит тебя праздничным обедом; по такому случаю даже ты, безгрешный презвентин, пропустишь рюмку-другую, вспомнишь меня, только не напояминой Эдде, что если бы не националист Михозис, ты давно был бы знаменитым русским артистом... Позовишь моей бедной гордой Анастасией... Нет, не звони! Ты же не можешь открыть ей, что я часто докучал тебе в тюрьме; она обидится, почему я ее избегаю.

ЗУСКИН (проникся печалью Михозиса). Зачем они тебя убили? Все могло быть так хорошо.

МИХОЗИС. Убили — не научное слово: л и к в и д и о в а л и.

Наша Зофира, наша Полина Жемучкина сказала ведь тебе, почему меня ликвидировали, и ты повторил это в кабинете Аракчеева...

ЗУСКИН. Не Аракчеева — Шкиртова.

МИХОЗИС. Прости, я не хотел обидеть Аракчеева. Меня оплохали, не зная, что я вожак стам, атаман, пахан, как говорят уполные. А когда поэт-комиссар открыл им глаза, они поверили. Как не

Наша публикация

сах, колени не дрогнут, а нас день за днем мордуют, вырывают страшные, невозможные признания. Вслед за тобой, за тобой!

МИХОЗИС. Если бы меня закопали, оставив на поверженной земли голову — видеть и умирать, — и тогда никто бы не услышал моих признаний. Чью ложь ты повторяешь так вдохновенно?

ЗУСКИН. Твоего тайного друга и спутника: его не убили в Минске, надо же было сохранить хотя бы одного из двух главных злодеев.

МИХОЗИС (впервые он потрясен). Он! Комиссар, приставленный ко мне в американской поездке? И ты поверил ему?

ЗУСКИН. Как умело год за годом вы притворялись врагами! Вот самая искусная роль твоей жизни.

МИХОЗИС. Поверили лжецу, ничтожному честолюбцу! Трусу!

ЗУСКИН. Трусость спасла ему жизнь, он ею слишком дорожит, чтобы брать на себя чужие преступления. Ведь цена им — ж и з н ь.

МИХОЗИС. Живые неосторожно играют словами о смерти, а страшные тайны уносят в могилу... Цена — жизни! (Негромко). А был рядом со мной и вел счет предательствам... А потом выдал меня?

ЗУСКИН. Он сознался в злодействе — пришлось сказать и о тебе. Он поклялся не жить в грду, назвав десятки и десятки имен!...

МИХОЗИС. И ты поверил, что мир населен негодяями? И первый среди них — я — Михозис.

ЗУСКИН. Я жду суда, чтобы сказать правду, защитить Михозиса и разоблачить Вовси.

МИХОЗИС. Не хлопочи особенно о Михозисе, я к нему остыл, как истинный честолюбец, которому все мало и мало. Мало оаций, мало наград, мало званий! (Пауза). Зачем они убили меня прежде других?

ЗУСКИН. Тебе давно угрожали, вспомни анонимку.

МИХОЗИС. Анонимки шлют бессильные хулиганы. Убивает власть. Нет, нет логики: ликвидировать Михозиса, хоронить его с княжескими почестями, обливаясь притворными слезами...

ЗУСКИН. Мир погряз в лицемерии. С того дня, когда тебя привезли из Минска, я не спал ни одной ночи.

МИХОЗИС. Прости, Вениамина, прости мой ошмыганный гроб: не я его заказывал. Зачем нужно было убивать главного свидетеля будущего дела?

ЗУСКИН. Не свидетеля — обвиняемого.

МИХОЗИС. Как сыграть "Макбета", вычеркнув из трагедии одну из двух главных ролей: самого Макбета или леди Макбет? Как можно убрать того, кто по доносам больше всех согрешил и может помочь следствию, как никто? Для следствия он — клад, его голова, его мозг должны охраняться. В тюрьмах у подследственного отнимают не только нож, бритву, но и плохонкий ремень, а меня убивают, не сняв ни одного допроса.

ЗУСКИН. Ты же не был в тюрьме: ты купался в славе и почете.

МИХОЗИС. Вся Дания тюрьма, Зуска!

ЗУСКИН. Кто думал об этом?

МИХОЗИС. Кто-то обязан был думать. Потерять главного злодея, дать ему ускользнуть в могилу, как в нору, за это ведь головы должны были полететь.

ЗУСКИН. Твой спутник справился за двоих, за себя и за тебя. Но ты в протоколах всегда впереди, комиссар больше наблюдает, молчит, колеблется, он даже порой тоскует, не готовый предать, но твоя ложь парализует его. Все связано твоим словом, а его можно пожать... Такута несудьба: ты умер, ему пришлось исповедоваться за двоих.

МИХОЗИС. Перед тобой положили исповедь, писанную лживой рукой, будто бы от моего имени, и ты поверил чудовищной клевете.

ЗУСКИН. Как не поверить: тебя разоблачают, ты молчишь! А молчанье — знак согласия.

МИХОЗИС. Молчанье — удел мертвых. Ты мог бы защитить мое имя, но на это не хватило любви. Или мужества?

ЗУСКИН. Никто так не любил в душе несчастного Михозиса, как я!

МИХОЗИС (тихо). Анастасия... Мои девочки... Путник на дороге, местечковый Агасфер, командированный, ночующий на вокзале, приехавший богачей без той пары штанов, мой жалобщик, которому неслышно повелево: он с рук купил билет в театр и увидел живых Зускина и Михозиса... Дай ему Бог еще много, много лет любоваться живым Зускиным. (Пауза). Кому-то и я был нужен.

ЗУСКИН. Мне больше всех! Я боготворил тебя на сцене.

МИХОЗИС. И ненавидел — за кулисами.

ЗУСКИН. Не тебя, твою тень властного, корыстного Соломона Вовси.

МИХОЗИС. Корыстного обитателя коммуналки! У нас с Анастасией не было лишнего стула.

ЗУСКИН. Бывает корысть страшнее: завладеть не вещами, а людьми, их судьбами, быть всегда п р а в ы м, хотеть этого и добиваться. Пророчествовать, не пропускать вперед никого, скрывать свой скептический ум за иронией и фальшивой привязанностью ко всему человечеству, непременно сразу ко всему человечеству. По-моему, людям не поверить, что за этим скрывается и претупление? Или ты так высоко взлетел, что стал забывать простые, земные заботы.

МИХОЗИС. Прости, я прожил так, как прожил. Прости старый дуб, что в его большой тени не просто было пробиться молодому дереву. Не станешь же ты проклинать дуб.

ЗУСКИН. Вот как ты повернул все к своей выгоде.

МИХОЗИС (возбужденно). Они казнили меня, Зуска, казнили обдуманно. Не просто пришили кистемю, а казнили! Чувствуешь разницу между убийством и казнью?

ЗУСКИН. Ты весь в этом: убивает заурядных, обыкновенных людей, а героев казнят.

МИХОЗИС. Казнь! Казнь! Если всем вам сохранят жизнь, прощу вас называть минскую кровь казнью. Не убийством и даже не ликвидацией, а казнью. Не отталкивайте, не пинайте того, кто был казнен первым.

ЗУСКИН. Ты за свое: первым, непременно первым, только первым. Но нас не за что казнить. Мы ждем суда, а самый строгий суд сохранит нам жизнь. Ты говоришь — казнь, ты хочешь, чтобы и мы твердили — "казнь", "казнь" — первая казнь, за вторую, третью, четвертую... Нас заставляли говорить "несчастный случай", "автомобильная наезд", "гибель", а так, что неосторожно прозвучит "убийство Михозиса", тех кто застрелил. Если казнь, то кто палачи? Ведь казнят власть, и никто другой, значит, у б и л а власть.

МИХОЗИС. Той ночью (потрясенный открытием) изувеченный, брошенный в снег, я победил их!

ЗУСКИН. Ты бредилши.

МИХОЗИС. Не успев произнести ни единого слова, я победил их!

ЗУСКИН. Лучше помолчу.

МИХОЗИС. Говори, спорь, не соглашайся! Мож